

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-2-256-266

УДК 821.161.1

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Е.С. Зинурова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются особенности проявления интертекстуальности в российской поэзии конца прошлого — начала текущего столетия. Статья предваряется кратким освещением теоретического аспекта темы — природы интертекстуальности. В основной части автор выдвигает гипотезу об осязаемом присутствии диалогических связей современных поэтов с поэтами-классиками. В этом аспекте рассматриваются основные формы творческого взаимодействия. На основе анализа лирики «новаторов» и «архаистов» в кругах поэтов рубежа XX—XXI столетий делается вывод о различии интертекстуальной поэтики в творчестве последователей классической и, условно говоря, модернистской манеры поэтического самовыражения. Рассуждения и выводы публикации основываются на критических и литературоведческих статьях последних лет, на творчестве как крупных, так и малоизвестных современных поэтов.

Ключевые слова: интертекстуальность, постмодернизм, русская поэзия, русская литература

Интертекстуальность в поле зрения критиков и литературоведов находится уже более полувека, однако до сих пор вокруг этого феномена, вокруг понимания его природы идут дискуссии. В частности, одни исследователи (Р. Барт, Ю. Лотман, Ю. Кристева, М. Раффатер, Ж. Деррида, Н. Пьеге-Гро) по-своему аргументировано доказывают, что «каждый текст есть интертекст», и любое литературное произведение неизбежно вторично [1. С. 418]. Эту позицию связывают с «пониманием интертекстуальности в широком смысле». Другие ученые (И.П. Смирнов, Н.А. Кузьмина, Н.А. Фатеева, В.Е. Чернявская) считают интертекстуальность определяющим фактором литературы постмодернизма [3. С. 9]. Согласно второй точке зрения, связанной с пониманием интертекстуальности в узком смысле, «цитирующий без кавычек» автор намеренно ссылается на предшественников, обогащая тем самым план содержания и рассчитывая на проницательного, активного читателя [1. С. 418]. Предполагается, что такой читатель знаком с литературой разных эпох, способен понять намек писателя, ведь он становится при этом его соавтором. Понятно, что сама цитата должна быть узнаваема без контекста, «цикадой», иначе многомерность модернистского произведения останется лишь намерением.

Отсюда следует, что именно в намерении автора лежит критерий, размежевывающий классическую реминисценцию и постмодернистскую интертекстуаль-

ность. «Литературные связи» между произведения существовали всегда, однако можно с уверенностью сказать, что только после появления соответствующего термина в литературоведении появилось осознанное обращение к интертекстуальности — как к приему. Другое дело, что потребность в своеобразной точке опоры, формально-содержательном фундаменте, у художников слова существовала всегда. История литературы — череда заимствований, прежде всего гениальных, потому что именно высочайшая одаренность способна создать неповторимый текст на основе повторяющихся тем, сюжетов.

Необходимость раскрытия обозначенной проблематики в связи с изменяющимися реалиями времени вполне понятна.

В восстановлении, перезаписывании лирики прошлых столетий видел функцию поэзии Ю. Левитанский: ««Все стихи однажды уже были... Нам восстановить их предстоит» (1970). Но еще задолго до опубликованной в 1967 году статьи Ю. Кристевой, в которой она обозначила прием интертекстуальности, А. Ахматова в стихотворении «Не повторяй — душа твоя богата» (1956) писала «Но, может быть, поэзия сама — одна великолепная цитата» (1956). Б. Пастернак использовал в качестве эпиграфа к циклу стихотворений «Когда разгуляется» (1956—1959) высказывание М. Пруста: «Книга — это большое кладбище, где на многих плитах уж не прочесть стершиеся имена». Ощущение, что «чужое слово проступает» как несмываемые чернила прошлого, болезненно для поэта. Болезненно, так как автор использует интертекстуальность как бы нехотя, как бы вынужденно. В действительности термин по-своему оправдывает неизбежные в литературе повторения, облегчая поэту ношу заимствований. Будучи осознанной, интертекстуальная поэтика стала «стержнем культурного дискурса» в постмодернистской литературе, «основой игровой поэтики» [4, 6].

Интертекстуальность — не просто иллюстрация влияния одного автора на другого, не поэтическая ностальгия. В своих лучших проявлениях она обеспечивает необходимую многослойность и даже многосложность текста. Писатель чувствует потребность «разбавить» произведение «чужим» словом, нередко — показать иную точку зрения. При этом авторское «Я» никуда не уходит, не молчит. По мнению О. Северской, поэты рубежа XX—XXI веков «против обыденного», т.е. не осмысленного цитирования классики [5. С. 181]. Поэты воспринимают современность через призму опыта предшественников. Вот, например, Г. Кружков пытается понять свою тревогу, обращаясь к тому, что тревожило К. Батюшкова:

...зачем же гласом влажным и протяжным
он Гальциону мне воспел
и, море зла увидя, содрогнулся?
Не я — к тебе, но ты ко мне вернулся —
сказать, что море зла безбрежное кругом...

«Батюшков», 2014

М. Харитонов также обозначает наличие отсылки уже в заглавии стихотворения. Среди примеров: «Орфей», «Над строкой Шекспира». В «Глухоте» он, взяв эпиграфом строки А. Тарковского «Мне кажется, я просто плохо слышу», сравнил поэта с Бетховеном:

Не жалуйся: быть может, глухота — подарок божий.
Не засоряет слух окрестный грохот, шум,
Мешающий другим, не слышишь шепотков,
Злословья, пересудов за спиной.
Проходишь, не задетый, улыбаясь.

Но можешь вслушаться, не отвлекаясь,
В дрожь воздуха, дыханье ветра, в близость
Желанной очистительной грозы.
Попробуй уловить, услышать не слышное другим,
Как слышал свою музыку Бетховен.

«Глухота», 2016

Всякий намек неслучаен. «Цитата запускает механизм ассоциаций» [6]. Затем чужой голос или, скорее, голоса, сплетаются в благозвучный хор, исполняющий песню автора. Интертекстуальность способствует созданию в произведении поэтической реальности, параллельной или созвучной авторской. Своеобразный намек петитом отпечатан в голове у читающего строфу, строфы. Вероятно, подобную картину представлял Х. Борхес, заметивший в «Книге песка» (1975): «Сверхкнига состоит из бесконечного множества книг».

Мнимую реальность автор сравнивает с той, что описывает сам: противопоставляет или дополняет одну другой, берет новую как аналогию. И. Иртеньев, оспаривает пушкинскую как бы аксиому об очаровании осенней поры. О том, с каким именно стихотворением гения Иртеньев не соглашается, понятно, благодаря введению хрестоматийно известного словосочетания. Нет необходимости в пересказе знаменитых строф, без этого понятно, о чем речь:

Озвучить, чувствую, пора
Давно назревшее признание —
Демисезонная пора
Не есть очей очарованье.

И в пику гению скажу,
Хоть знаю, это неучтиво, —
И малой доли позитива
Я в той поре не нахожу.

О, как уныл осенний лес,
Как бесконечно депрессивны
Внутриутробные осины
На фоне выцветших небес...

По перв. стр., 2015

Как правило, для создания «другой реальности» используется отсылка на конкретный текст, сюжет, а не на его героев, автора. Московская поэтесса О. Сульчинская отсылает нас не к классике, а к славянской мифологии, к фольклору, что тоже не редкость в современной поэзии. Автор касается сказочного образа Кошея, смерть которого, как всем известно, «на кончике иглы». Она справедливо исходит

из того, что читатель с детства знает историю сказочного злодея. Игла, символизирующая жизнь лирической героини, по-своему осязаема, благодаря межтекстовому диалогу:

В твои руки войти — как в глубокую воду пловцу:
И прекрасно, и страшно. Возьми мою жизнь. И к лицу
Поднеси, поверти — чтобы зорче ее рассмотреть.
Там сидит взаперти на иголку надетая смерть...
...Кто-то держит меня на руках над могучей рекой
И, к моей, раскаленной, прижавшись холодной щекой,
Говорит: «Не пора». Я не знаю всех правил игры —
Но никто до сих пор не сломал золоченой иглы.

По перв. стр., 2016

В современной поэзии одно произведение может вмещать в себя множество заимствований. Причем в одном и том же стихотворении среди пратекстов могут оказаться как русские народные песни, считалки, частушки, так и философские трактаты, русские и зарубежные сочинения. Поэт Вадим Ковда, рефлексировав в своем стихотворении о природе лжи, в качестве прецедентного текста использует знаменитое высказывание Р. Декарта «Я мыслю — следовательно я существую», и русскую песню «Живы будем не умрем»:

Мы лжем! А, значит, существуем.
А будем лживы — не помрем.
«Мы забрались в такие глубы», 2016

Чаще всего строка, содержащая заимствование, является точкой опоры, отсчета для стихотворения, и именно она воплощает основной смысл произведения. Если стихотворение содержит интертекстуальность, то, дешифровав первоисточник, читатель легко определит авторскую позицию. Уровень сложности субъективен, он зависит от объема памяти читателя, объема изученной им литературы, т.е., от интеллектуального уровня. Так, в стихотворении И. Иртеньева «Не много я у Господа прошу» иронично-poleмически зашифровано известное стихотворение А. Пушкина «Пророк»:

И вырвал нафиг грешный мой язык,
И гланды удалил еще, пожалуй...».
«Не много я у Господа прошу», 2016

В стихотворении О. Чугай «Так живем, словно мы опоздали родиться» (2015) интертекст менее очевиден, хотя первый стих — урезанная калька (с сохранением размера) со знаменитого мандельштамовского «Мы живем, под собою не чуя страны».

Другой распространенный интертекстуальный прием в современной поэзии основывается на использовании не чужих строк, а имен авторов или названий, написанных ими произведений. Таким образом, поэт показывает, чей путь пытается продолжить, кто для него наиболее авторитетен. Так, например, как А. Пуш-

кин советовал в минуты, когда одолевают черные мысли, перечитывать «Женитьбу Фигаро», А. Кушнер советует:

...Лучше что-нибудь тихо напеть из Верди,
Еще раз про Эльстира прочесть у Пруста...

«Мысль о славе наводит на мысль о смерти», 2005

Аналогичных примеров много. Современные авторы больше всего внимания уделяют отечественным классикам Золотого и Серебряного веков. Знавшие шестидесятников, семидесятников нередко и их упоминают в своих строфах. Интертекстуальность вообще, у современных авторов в частности, — это где-то осознанный, где-то не осознанный диалог с классиками. В эпоху, когда голоса великих не очень слышны, полузабыты, не читаны, современные авторы пытаются хотя бы в рамках своего творчества отразить наследие, накопленное литературой за столетия. С. Гандлевский, начиная стихотворение с перечисления фамилий поэтов XIX века, будто проводит рукой по пыльным корешкам книг в библиотеке:

Баратынский, Вяземский, Фет и проч.
И валяй цитируй, когда не лень.
Смерть — одни утверждают — сплошная ночь,
А другие божатся, что Юрьев день...

По перв. стр., 1997

Понимая, что творчества автора-индивида, пишущего вне течений, не впитало в себя в полной мере культурные пласты всех эпох, поэт делает отсылку на прецедентный текст, старается украсить свое произведение знаменитым заимствованием. Хвастать эрудированностью, к слову, тоже свойственно некоторым современным авторам. Например, Вадим Степанцов переиначивает стихи классиков, сохраняя большую часть первоисточника неизменным. Его пародия на «Гамлета» Б. Пастернака превратилась в рассказ об адюльтере:

...Наше эротическое действие
стоило того, чтоб посмотреть.
Этот мир погубит фарисейство.
Жизнь прожить — не в поле умереть.

«Мужья. Опус № 3 (стихи без романа)», 2000

Тем не менее единственный путь «спасения» литературы, необходимость которого, к слову, сомнительна, это продолжение творчества. В полной мере оно возможно только после изучения трудов предшественников. Современные авторы упрощают задачу, указывая фамилии и названия текстов. Кстати, можно найти примеры увековечивания великих и без патетики. Нередко автор осознанно выбирает фамильярную, бесцеремонную манеру, пишет или снисходительно или язвительно. В. Кальпиди часто пользуется аллюзией, персонажи и имена классиков он употребляет как нечто нарицательное, благодаря чему создает неологизмы и окказионализмы: «ахматовская молодка», «твардовская водка», «заболоцкий холодец». Выразительный прием В. Кальпиди — игра слов:

...а Гамсуна все время лупит Кнут,
а Карфаген разрушен в «саркофаге»...
...Постился Блок до смерти, блокпосты
принадлежат поэтому поэтам...

«Стихи, посвященные челябинскому поэту,
решившему стать революционером», 2016

...Не суйся в жалкий суицид,
не надо полумер.
«Ты должен гибель заслужид», —
сказал бы Агасфер...

«Свердловские стансы», 2016

Рассуждения о смерти рождают в памяти автора воспоминание о легендарном персонаже, осужденном на вечное скитание и вечное презрение до второго пришествия Христа — Агасфере. В. Кальпиди употребляет только имя, читатель сам расшифровывает метафору. Автор использует иронию, по сути низводя отсылку практически до каламбура, однако стихотворение включает обращение к разным мирам, и это его по-своему углубляет.

Роль иронии в интертекстуальной поэтике велика, и на этом стоит остановиться подробнее. В силу своей многофункциональности интертекстуальность яснее воспринимается в совокупности с другими постмодернистскими литературными приемами, среди которых: ирония, пастиш, метапроза, фабуляция. В частности, ирония в сочетании с интертекстуальностью говорит о попытке автора переосмыслить тему из прошлого, скажем так, поехидничать или горько усмехнуться. Прецедентный текст воспринимается как штамп, общеизвестная истина. Автор противопоставляет опорный текст своему, показывая, как устарели сейчас ценности, герои и мысли ушедших времен. Вот, например, героиня стихотворения С. Гандлевского читает «Шестое чувство» Н. Гумилева:

Осенний снег упал в траву,
И старшеклассница из Львова
Читала первую строфу
«Шестого чувства» Гумилева.

А там и жизнь почти прошла,
С той ночи, как я отнял руки,
Когда ты с вызовом прочла
Строку о женщине и муке...

По перв. стр., 1997

Иронизируя над первоисточником, автор его деканонизирует. О. Клишин ерничает, ссылаясь на заповедное для многих «Ни дня без строчки» Ю. Олеси:

Ни дня без шва — девиз портного.
На ощупь двигаясь впотьмах,
спасительное ищем слово,
предчувствуя, что дело швах.

«Задумка Зингера — иглою...», 2017

О. Николаева наоборот, описывая быт малоталантливого театрала, противопоставляет натужных в своей игре актеров шекспировским персонажам, которых те изображают. В данном случае великое, нестареющее прошлое ставится в упрек современности:

Ваша Гертруда, как девка, торгуется...
В Гамлеты метит крепыш,
да под Офелию все гримируется
сорокалетняя мышь.

«Театр», 2017

Случается, современные авторы затрагивают тему дальнейшей судьбы героев классических литературных произведений. В стихах они отвечают на вопрос: «Что стало бы с ними теперь?». Например, многие художники слова обращались и обращаются к блоковской «незнакомке». В их числе А. Кушнер. Неизменна интонация, и место действия — ресторан:

За стеклянной стеной ресторана
Серебрится, клубится листва,
Понимает она, что желанна,
Знает кое-какие слова.

И участие принять в разговоре
Не откажется, если всерьез
Отнесутся к ней в общем задоре
Пьяных нежностей, шуток и слез...

По перв. стр., 2016

В отличие от загадочной и одинокой Прекрасной Дамы А. Блока, от ресторанной завсегдатайки А. Кушнера, И. Царев пишет о пожилой, сохранившей достоинство незнакомке, впрочем, тоже не без иронии:

...В былинной шляпке из гипюра
Или другого материала,
Она как ветхая купюра
Достоинства не потеряла.

В нелегкий век и час несладкий
Ее спасает книжный тоник,
Где наши судьбы — лишь закладки
Небрежно вставленные в томик.

«Старая незнакомка», 2011

Сквозь череду авторских интерпретаций видно, как со стороны художника меняется взгляд на загадочную, «дышащую духами и туманами» героиню. Читателю остается оценить, сравнить. Поэты подталкивают к этому, обозначив в своем произведении первоисточник. Обращение к интертекстуальности — это и ответ, данный через сотню лет задавшему вопрос лирику, или обозначение того, что вопрос до сих пор открыт. Пространство такого диалога одномерно, тогда как обращение к нему собеседнику, за которого теперь говорят только написанные им когда-то строки, расслаивает произведения на несколько реальностей. Так

Егор Трубников, написав стихотворение на смерть английского писателя-фантаста Терри Пратчетта, ссылается как на книги адресата, так и стихи Н. Гумилева (заметим: в цикле фэнтези Терри Пратчетта «Плоский мир» Смерть — персонаж мужского рода):

«Не бойся, Терри, — сказала Смерть, — видишь — я не мужик,
и даже не баба, и даже не леди, и ты — не безумный старик,
а ты не смеешься, ты прячешь лицо, послушай, на озере Чад
такие, как я, и такие, как ты, редко нянчат внучат..»

R.I.P, 2017

Поэтика интертекстуальности, как и любая другая, индивидуальна в творчестве оригинального автора. И это при том, что современная поэзия не поддается систематизации, и творчество авторов не имеет ярко выраженных общих признаков [2]. Однако при всей многогранности современной лирики ряд критиков отмечают общие черты поэзии рубежа XX—XXI столетий: вольность формы, «густота» текста, жанровая нестабильность, склонность к игре слов и смыслов. Условно современных авторов можно разделить на новаторов-постмодернистов и тех, кому ближе классическая манера изложения. Интертекстуальность творчества каждого будет отличаться соответственно. Проиллюстрируем это на примерах стихов безусловного новатора — С. Гандлевского и условного архаиста А. Кушнера. У обоих есть стихотворение с отсылкой к Сенеке и его высказываниям о жизни и смерти. К слову, обращение к древним философам, а также персонажам и сюжетам античной литературы — довольно типично для современных авторов. Поэты наделяют схематично описанных героев и людей, биография которых скудна, скрытыми мотивами, додумывают их душевные муки. Одновременно, авторы описывают свое отношение к нарисованному ими же психологическому портрету. Вот как о римском философе пишет С. Гандлевский:

Сенека учит меня
что страх недостоин мужчины
для сохранения лица
сторону смерти возьми

тополь полковник двора
лихорадочный треп первой дружбы
ночь напролет
запах липы
уместивший всю жизнь

вот что я оставляю
а Сенека учит меня

«Антологическое», 2008

Сравним со стихотворением А. Кушнера:

А вот Сенека смерти не боялся,
В отличие от нас.
И что за нею ждет — не интересовался:
Пусть ничего не ждет, как будто свет погас.
По крайней мере, там не будет ни Нерона,

Его ученика,
Глядящего на Рим, как злобная ворона,
Ни страха, ни тоски, ни бед наверняка.
А радости земные
Навряд ли во второй понравятся нам раз,
Как в первый, — так считал он, вспомнив дни былые.
В отличие от нас.

По перв. стр., 2016

Новаторской форме соответствует и новаторское содержание. В стихотворении Гандлевского отсутствуют знаки препинания, ритмика «рваная», образы мозаичны, фрагментарны, вторая строфа целиком представляет из себя набор символов. У более классического А. Кушнера другое: стихотворение рифмованное, логично прописанное, с ясными деталями. Отличаются и авторские позиции. Кушнер возвышает Сенеку и его мнение над земными человеческими страхами, считает его слова недоступной познанию обывателя мудростью. Гандлевский наоборот, считает, что римский стоик устарел, напрасно манкирует радости жизни, которые сам автор считает бесценными. Показательно: что именно консервативные поэты смотрят на классиков, как правило, снизу-вверх, восторгаясь и ностальгируя, тогда как новаторы не соглашаются, насмешничают и даже в чем-то обвиняют великих. Понятно, это только одна из форм интертекстуальности, хотя и самая коммуникативная, и, к слову, самая распространенная.

Интертекстуальность интересна непредсказуемостью, наличием «игры». Здесь в одном произведении соединяются три или четыре внетекстовые реальности. И чем их больше, тем очевиднее желание автора жонглировать литературными пространствами, тем осознаннее подход. Конечно, ввод «чужого» слова в произведение не говорит о какой-то слабости современного поэта, а только о значимости конкретной темы, показать которую в ретро- и перспективе невозможно без должного контекста. Все стихи однажды уже были, но как писал, сделавший об этом вывод Ю. Левитанский: «Позвольте мне любить, а писать еще тем паче, так — а все-таки иначе, так — а все же не совсем».

© Зинурова Е.С., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Барт Р.* От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- [2] *Зинурова Е.С.* Русская поэзия рубежа XX—XXI веков: векторы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Литературоведение. Журналистика». 2016. № 2. С. 69—77.
- [3] *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
- [4] *Мескин В.А., Ратникова В.В.* Об интертекстуальности и межтекстуальных связях в творчестве А. Варламова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Литературоведение. Журналистика». 2013 № 4. С. 5—14.
- [5] *Северская О.* Поэзия посмодерна и массовая коммуникация: отношения автора и читателя в новой коммуникативной ситуации (на материале русской поэзии рубежа XX—XXI веков) // Поэтика исканий, или Поиск поэтики / О. Северская. С. 177—186.

- [6] *Фоменко И.В.* Цитата // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. М.: Высшая школа, 1999. С. 496—506.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 февраля 2017

Дата принятия к печати: 2 апреля 2017

Для цитирования:

Зинурова Е.С. Интертекстуальность в современной русской поэзии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 2. С. 256—266.

Сведения об авторе:

Зинурова Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: katya.zinurova@gmail.com

INTERTEXTUALITY IN THE MODERN RUSSIAN POETRY

E.S. Zinurova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article presents the analysis of specific manifestations of intertextuality in the Russian poetry of the late XX — early XXI ages. In the introduction, the author gives a short review of the theoretical aspect of the theme — the nature of intertextuality. In the main part author derives a hypothesis that there are obvious dialogical relations between modern and classic poets. The basic forms of creative interaction are regarded in this aspect. The author analyzes lyrics of “innovators” and “archaists” among the poets of the turn of the XX—XXI centuries. The conclusion is made of the difference in the intertextual poetics of the creative works between the followers of the classical or modernist methods of poetic expression. The author’s reasoning and conclusions are based on analytical publications in recent years and the works of famous and little-known poets.

Key words: intertextuality, postmodernism, modern poetry, Russian literature

REFERENCES

- [1] Bart R. Ot proizvedeniy k teksry [From the works to the text] // *Izbrannue raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. M., 1989. P. 616.
- [2] Zinurova E. Russkaya poeziya rubezha XX—XXI vekov: vektory razvitiya [The Russian modern poetry of the turn XX—XXI centuries: vectors of development] // *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie i zhurnalistika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russian series Studies in literature. Journalism]. 2016. № 2. P. 69—77.
- [3] Lipovestkiy M.N. Russkiy postmodernizm (Ocherki istoricheskoy poetiki) [Russian postmodernism (Essays of historical poetics)]: monografiya [Monograph]. Ekaterinburg: Ural. Gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet [The Urals State Pedagogical University], 1997. P. 317.

- [4] Meskin V.A., Ratnikova V.V. Ob intertekstualnosti i mezhtekstualnykh svyazyakh v tvorchestve A. Varlamova [Intertextuality in the stories by Alexei Varlamov] // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie i zhurnalistika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russian series Studies in literature. Journalism]. 2013. № 4. P. 5—14.
- [5] Severskaya O. Poeziya postmoderna i massovaya kommunikatsiya: otnoshenie avtora i chitatelya v novoy kommunikativnoy situatsii (na material pysskoy poezii pybezha XX—XXI vekov [Postmodern poetry and mass communication: the relationship between the author and the reader in the new communicative situation (in Russian poetry of the turn of XX—XXI centuries)] // Poetika iskanii, bkb poisk poetiki [Poetics searches or Search for poetics]. P. 177—186.
- [6] Fomenko I.V. Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy [Introduction to Literary Studies. Literary work: basic concepts and terms]. M., 1999. P. 496—506.

Article history:

Received: 12 February 2017

Revised: 6 March 2017

Accepted: 2 April 2017

For citation:

Zinurova E.S. (2017) Intertextuality in the modern Russian poetry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (2), 256—266.

Bio Note:

Zinurova Ekaterina Sergeevna, PHD student, Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University.

Contacts: e-mail: katya.zinurova@gmail.com